

УДК 81'373.2:81'27

Акциденции онима: к расширению терминологического аппарата ономастики текста

Васильева Н.В.

Институт языкознания РАН, Москва

Собственное имя в художественном тексте обычно рассматривается в рамках литературной ономастики. В статье предлагается расширение понятийного аппарата литературной ономастики до направления «имя-в-тексте» (Т.М. Николаева), имеющего большую связь с семиотикой, путем введения термина акциденции онима. С помощью этого термина можно более детально представить колебание проприального статуса, которое не подпадает под процесс деонимизации или фигуру антономасии. Одной из акциденций онима является онимический фантом – имя как пустая оболочка, продукт фатической (авто)коммуникации, а также травестийный оним – имя собственное, занимающее в тексте место нарицательного. Выделение класса онимических фантомов имеет последствия для теории прецедентных имен, поскольку фантомность имени не коррелирует с приобретаемой прецедентным именем интенциональностью. Рассуждения о нестандартном статусе имени в тексте иллюстрируются примерами из современных авторов (Б. Кочейшвили, Т. Толстая, М. Кундера). Также делается вывод о том, что акциденции онима дают большие возможности для языковой игры и общей поэтизации дискурса.

Ключевые слова: *имя собственное, ономастика текста, проприальный статус, ономастическая терминология, акциденции онима, онимический фантом, травестийный оним.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 40–43)

Accidentia of onym: Towards the extension of text-onomastics terminology

Vasilyeva N.V.

Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, Moscow

Proper names in a literary text are usually considered within the framework of literary onomastics. The article proposes the expansion of the conceptual apparatus of literary onomastics towards the philological branch “name-in-text” (T.M. Nikolaeva), which has a greater connection with semiotics, by introducing the term accidentia of onym. With the help of this term, it is possible to describe in more detail the variation of proprial status, which does not fall under the process of deonymization or the figure of antonomasia. One of the instances of onymic accidentia is an onymic phantom – the name as an empty shell, a product of phatic (auto) communication, as well as a travesty onym – a proper name in lieu of a common noun in the text. Selecting onymic phantoms has implications for the theory of precedential names, since the phantom quality of the name does not correlate with the quality of intentionality acquired by precedential name. The article also illustrates the arguments about the non-standard status of the name in the text by examples from Boris Kocheyshvili’s poetry, Tatiana Tolstaya’s and Milan Kundera’s prose. It also concludes that accidentia of onym provides great opportunities for language play and poetic discourse.

Key words: *proper name, text onomastics, proprial status, onomastic terminology, accidentia of onym, onymic phantom, travesty onym.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 40–43)

«... Именно в тексте, в его «теле» содержатся сигналы, позволяющие направлять и разные линии его восприятия, и подтекстовые смыслы»

Валентина Авраамовна Маслова

Трудно назвать лингвистическую дисциплину, которая не имела бы дела с текстом – либо как с самостоятельным объектом изучения, либо как со средой, в которой функционируют языковые единицы и которая, как мы хотели подчеркнуть эпиграфом из работы глубокоуважаемого юбиляра [1: 16], своими особыми сигналами направляет восприятие адресата и обеспечивает постижение смысла. Это касается и восприятия в тексте собственных имен (ИС), или онимов. Изучение собственных имен в тексте давно существует как исследовательское направление, при этом не всегда (и необязательно) позиционирующее себя как отдельная дисциплина. Отдельной дисциплиной является литературная ономастика, которая начала формироваться в 60-х гг. XX в. и которая исследует имена собственные в пространстве художественного (фикционального) текста. Достижения литературной ономастики и ее библиографическая база весьма велики, и мы не будем здесь на них останавливаться. Отметим лишь, что в качестве «конкурента» этой дисциплине, причем не только в названии, но в сумме методов, возник термин «имя–в–тексте». Он появился в статье Т.М. Николаевой, обратившей свой взгляд на *nomina propria* [2]. Т.М. Николаева связала изучение «имени–в–тексте» в качестве отдельной ветви ономастики (антропонимики) с семиотическим направлением, которое у нас во многом обусловлено трудами В.Н. Топорова о тексте как о структурированном пространстве. Направление «имя–в–тексте» «имеет свою специфику и может считаться самостоятельной ветвью языкознания, включаясь в целом в лингвистические методы изучения “неочевидных смыслов” текста» [2: 15]. Очевидно, что понятийный аппарат направления «имя–в–тексте» и его лексикографическое представление будут несколько иными, чем у литературной ономастики или у поэтонимологии, разрабатываемой В.М. Калинкиным и его школой [3]. В рамках данной статьи будет представлен фрагмент данной понятийной системы, который мы обозначили как *акциденции онима* [4]. Этот античный термин представляется подходящим, чтобы описать дрейфующий статус ИС в тексте. Еще Отто Эсперсен в «Философии грамматики» (1924 г., рус. пер. 1958 г.) отмечал, что с точки зрения лингвистики «совершенно невозможно провести четкую демаркационную линию между именами собственными и именами нарицательными» [5: 76]. Эсперсен говорил о «текучести

границ» между ИС и нарицательными именами, приводя в пример *Девятую симфонию* Бетховена, ставшую для мира музыки ИС, но в одном из текстов Ромена Роллана превратившуюся опять в нарицательное имя [5: 77]. Таким образом, критерием проприального статуса всегда выступает сфера употребления – контекст, текст, дискурс. К этому можно добавить следующее. Пара «имя собственное – имя нарицательное» в действительности не всегда представляет собой оппозицию. Взаимодействие двух статусов имени в тексте – проприального и апеллятивного – может происходить не как потеря и приобретение, а как своеобразный дрейф, а иногда и как травестия. Представляется, что античный термин *акциденция* – в данном случае как *акциденция онима* – может точнее передать дрейфующий статус имени в пространстве текста. Если рассматривать свойство «быть собственным именем» как сущность, то трансформации ИС могут быть отнесены к «случайным» свойствам, т.е. к акциденциям. Мы вполне отдаем себе отчет в условности применения в данном случае аристотелевского термина, однако именно с его помощью представляется возможным описать интересующие нас колебания статуса ИС в тексте.

Материал и методы. В качестве материала использованы современные фикциональные русскоязычные тексты, преимущественно прозаические. В задачу входило отобрать такие употребления ИС, текстовое поведение которых нельзя описать в прототипических функциях ИС, а именно: идентификация, индивидуализация и частично характеристика. В качестве метода было использовано теоретическое обобщение с последующим метаязыковым представлением результатов.

Результаты и их обсуждение. Были рассмотрены два типа акциденций онима – онимический фантом и травестия.

Как хорошо известно из получившей в настоящее время широкое распространение теории прецедентных ИС, необходимым условием приобретения именем статуса прецедентного является общеизвестность имени, которая и дает возможность его сигнификации и затем – путем переноса семантических признаков и/или слотов фрейма – возможность дальнейшего употребления уже в виде имени-характеризации. Онимические фантомы, в отличие от имен-характеризаций, не подвергаются в тексте сигнификации. Они предстают в виде пустых словесных оболочек, за которыми не скрывается ни денотат (как у «нор-

мальных» ИС), ни набор семантических признаков (как у нарицательных существительных или имен, подвергшихся деонимизации). Однако, несмотря на свою «фантомность», такие ИС успешно выполняют в дискурсе следующие функции.

1. Фатическая функция. Широко понимаемая фатическая функция может, как известно, реализоваться в трех сферах: 1) поддержание контакта; 2) выражение корпоративности/причастности к некоторой референтной группе; 3) праздноречевая деятельность [6: 650], т.е. безадресное либо самоадресованное локутивное самовыражение. Примеры имитации праздноречевой деятельности можно обнаружить в современной поэзии. Например, в стихотворении Бориса Кочейшвили «Боровицкая – Владыкино»: *сел на Боровицкой / и кроме / боров госпожи Вицкой / ничего не пришло в голову / приближается Чеховская / а там переход / на Пушкинскую / и Чехов не чех / и Пушкин не палил / из пушки*. Лирический герой этого стихотворения, отталкиваясь от реальных названий станций метро, воспроизводит фатические речевые акты с онимами-фантомами с целью получения удовольствия от локутивного самовыражения.

Онимические фантомы могут возникать в дискурсе в результате эктериоризации таких ментальных операций, которые предполагают перечисление возможностей. Например, расшифровка незнакомых адресату аббревиатур. Этим приемом пользуется Милан Кундера в романе «Подлинность», героиня которого по имени Шанталь на протяжении довольно продолжительного отрезка повествования пытается разгадать аббревиатуру С.Д.Б., которой подписаны приходящие к ней любовные письма. Кундера демонстрирует весь алгоритм поиска имени, превращая аббревиатуру в онимические фантомы, находящиеся уже на грани материализации:

С. Д. Б., повторяла она с улыбкой: Сириль–Дидье Бургиба. Серж–Давид Барберусса. <...> «Дю Барро» – это было в самый раз. Во всяком случае, ее обожателя звали не Сириль–Дидье и не Серж–Давид, поскольку «Д» оказалось частицей «дю». Имя у него могло быть только одно. Сириль дю Барро. Или Серж. Она тут же вообразила себе разорвишующую аристократическую семью из провинции. Семейство, смехотворно гордящееся своей частицей «дю». Представила себе этого Сержа дю Барро у стойки, выставляющего напоказ свое безразличие, и тут же подумала, что эта частица ему идет, вполне соответствует его облику пресыщенного аристократа [7: 102].

Введение в ткань повествования онимических фантомов представляет собой специфический прием, имитирующий реализацию фатической функции.

2. Функция коммуникативно-модального триггера [8: 243]. Лингвистов давно занима-

ет оним *Пушкин* в расхожих выражениях типа *А кто платит будет, Пушкин?* или *А кто уроки делать будет, Пушкин?* Вопрос на самом деле неспральный, поскольку для собственного имени *Пушкин* – в данном контексте – прецедентность в традиционном ее понимании сродни прокрустову ложу, так что интерпретировать это имя как прецедентное приходится только с помощью экстенсии типологии прецедентных имен, ср. [9: 53]. Какую функцию выполняет это имя, которое является, на наш взгляд, типичным онимическим фантомом? Обычный вопрос, т.е. без «довеска» *Пушкин*, это запрос об актанте: вопрос задается, чтобы выбрать кого-то из участников ситуации. Например, *А кто пойдет за бутылкой?* (вопрос, уместный при распределении поручений). При добавлении слова *Пушкин* – вследствие невозможности выбора данного актанта – в вопросе появляется модальность долженствования: надо идти за бутылкой, надо мусор выносить, надо платить, надо уроки делать (остальные оттенки подскажет ситуация). Таким образом, онимический фантом *Пушкин* формирует коммуникативно-прагматический сдвиг от простого запроса об актанте к жесткой модальности долженствования.

Онимическую травестию можно рассматривать как вид фантомных онимов, а можно и как отдельную акциденцию имени. Из музыкальной среды хорошо известен – в разных вариантах – текст «про композиторов», ср.: *Проснулся рано утром, продрал Глазунова. Встал, поел Мясковского с Хренниковым и Сметаной и затил Чайковским. Но тут мне стало Паганини <...>*. Понимание текста поддерживается в данном случае внутренней формой онимов, «прочитываемых» как имена нарицательные. Склоняемые фамилии имитируют имена существительные с предметным значением; несклоняемая фамилия выступает в адвербиальной функции. Можно ли сказать, что имена собственные переосмысляются как нарицательные с оживлением внутренней формы, как пишет В.З. Санников, приводя пример шутильной сценки из стенгазеты «Русист», вышедшей в 60-е годы в Институте русского языка АН СССР, обыгрывающей фамилии сотрудников Института: *Как Филлин прокричит, надень Белошапкову на Шварцкопфа, запряги Коннову в Санникова, протруби в Трубачева...* [10: 178]. Однако переосмысление ИС как нарицательных обычно приводит к деонимизации, и при полной деонимизации оним теряет свой статус и превращается в имя нарицательное (ср. *макинтош*, *кольт* и пр.). Также нельзя назвать этот прием антономасией, когда ИС используется метафорически для обозначения лица, наделенного свойствами первоначального носителя имени (ср. *мы все глядим в наполеоны...*). Мы считаем, что это явление не потери, а травестию проприального статуса, по-

сколькx формально имена остаются именами – в письменном тексте они не теряют заглавной буквы. Фамилии композиторов, принадлежа к одной референциальной сфере музыки, из-за эффекта «списочности» (неймдроппинга) по существу так там и остаются, обеспечивая «понимателя текста» как бы двойной оптикой – условием любого каламбура/шутки. Более редкий пример находим в рассказе Татьяны Толстой «Глупости всякие», названный автором «нравоучительным рассказиком» и «сложенный» из названий немецких городов, ср. начало (выделено автором. – Н.В.):

Один господин встретил Дамме и был Раден: Ах, Ухте и так далее. Вскоре они поженились, и он был к ней Добриц. Жили сначала хорошо: разводили Цапель, во дворе у них жил маленький Пёснекк, в хлеву – Овен. Но шло Времен, жена часто Родах, и появились Деттинген (целых Восмер, и все девочки) с обычными проблемами – то Моккрена, то Какаэль, то Горлозен, а иной раз и Гнойен <...>. [11: 286], В качестве травестийного материала в тексте Татьяны Толстой выступают иноязычные топонимы, действительно существующие [4]. Чем тогда являются эти номинации? По существу, это квазислова, их «похожесть» на русские словоформы, включая глагольные, весьма условна. Можно выделить три категории: 1) случайные точные попадания в падеж, например, домашний *Раб*, разводили *Цапель*, ели *Раков*; 2) почти полное фонетическое совпадение: легкий *Флириш*, налегать на *Бухлоэ*, драгоценный *Камен*, голова *Гудов*, наставить *Рогец*, *Гнойен*, хладный *Охтруп*; 3) аллюзию к русскому слову дает лишь фрагмент немецкого топонима: *Мольшлебен* (моль), ее поджидал *Гибельштадт*, задать *Плеттенберг*, *Уммерштадт*. Таким образом, «понимателю» текста приходится проделывать гораздо большую работу, чем в тексте «про композиторов», поскольку немецкие топонимы врfd ли входят в личную сферу адресата данного текста, и разгадывание того, что за ними скрыто, тоже не всегда прямолинейный путь.

Заключение. Таким образом, пара «имя собственное – имя нарицательное» не всегда представляет собой оппозицию. Взаимодействие двух статусов имени в тексте – проприального и апеллятивного – может происходить не как потеря и приобретение, а как опустошение свойств и травестия качеств, что превращает ИС в фантом. Для обозначения дрейфующего статуса имени собственного в пространстве текста представляется

подходящим термин *акциденция онима*. Акциденции онима – это такой фантомный статус имени собственного в тексте, который нельзя описать в традиционных для ономастики терминах деонимизация, апеллятивация и антономасия. Акциденции онима в тексте дают большие возможности для языковой игры. Онимические фантомы, часто прячущиеся за статусом прецедентных имен, также служат своеобразной «поэтизации» дискурса, при этом не только художественного. Таким образом, расширение литературной ономастики до направления «имя–в–тексте» позволяет исследователю, на наш взгляд, быть более свободным в выборе методов, стратегий и техник анализа. Кроме того, такое расширение помещает ономастику в более широкие научные пространства.

Литература

1. Маслова В.А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста. – Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – 104 с.
2. Николаева Т.М. О «единстве ономастики» и/или о новой ветви «антропонимики» // Вопросы языкознания. – 2009. № 3. – С. 3–18.
3. Калинин В.М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – Тамбов, 2016. – Т. 2. Вып. 4 (8). – С. 18–27.
4. Васильева Н.В. Не совсем собственное имя: травестия статуса как текстообразующий прием // Жизнь языка в культуре и социуме: материалы Всерос. науч. конф., Москва, 1–2 июня 2018 г. – М.: Издательство «Канцлер», 2018. – С. 169–170.
5. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1958. – 404 с.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
7. Кундера М. Подлинность / Пер. с фр. Ю. Стефанова. – М.: Азбука-Классика, 2003. – 288 с.
8. Васильева Н.В. О трансформации онимов в дискурсе // Экология языка и речи: материалы V Междунар. науч. конф. (3–5 нояб. 2006 г., г. Тамбов). – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. – С. 243–245.
9. Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сент. 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ – Арзамас-Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 49–54.
10. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
11. Толстая Т. Глупости всякие // Толстая Т. Легкие миры. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 286–288.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.